

Этнография *PRO ET CONTRA* литературоведение. Разыскания в области исторической морфологии сказки - 3

Для того, чтобы более уверенно двигаться дальше в область исторической морфологии сказки¹, необходимо сделать небольшой экскурс в прошлое, кратко рассмотрев вопрос о весьма непростых отношениях между этнографией и литературоведением.

В свое время мне уже приходилось касаться темы «литературоведческой контроверзы»² (по аналогии с так называемой австралийской контроверзой: что первично, матрилинейность или патрилинейность). Особенно остро эта тема звучит в связи с ранними пересказами фольклора в литературе и именно по поводу морфологии.

Как бы мы ни упражнялись в логике, пытаюсь ответить на вопрос, кто ближе к традиции, Шарль Перро или братья Гримм, результат в виде некоторого научного предложения не может быть получен по очень простой причине: находится он в области эмпирических фактов, а нам говорят, что фактов, когда речь идет, например, о сказке «Красная шапочка», только два: вариант Шарля Перро и вариант братьев Гримм. Круг замыкается.

Выйти из этого круга можно, задав один простой вопрос: почему только два факта? Ведь собиранием сказок во Франции занимались и после Шарля Перро. Действительно, тот же сборник «Французские народные сказки» 1959 г. основан на переводах сказок выбранных из множества собраний, созданных во Франции в конце XIX в. Может быть, там и надо искать подлинную сказку «Красная шапочка»?

Господствующая теория запрещает нам это делать. В вводной статье упомянутого сборника специально оговаривается, что в него не были включены сказки известные в литературной обработке (имеются в виду сказки Шарля Перро) и сказки, вновь возникшие на основе литературных вариантов³. Исключение было

¹ Обращивание мифа сказкой. Разыскания в области исторической морфологии сказки – 2 // *ethnomanuscripts.ru*.

² Белков П.Л. Этнография и филология. Существует ли наука о фольклоре // Этнос и мифология. СПб., 2009, с.142-156.

³ Лопарева Е.А. Французская народная сказка // Французские народные сказки. М., 1959, с. XXVI.

сделано только для сказки «Синяя борода» на том основании, что она существенно расходится с вариантом Перро.

Что же это за теория, которая ставит «позднейшие фольклорные записи» ниже сказок Перро, уверенно утверждая, что эти варианты возникли не иначе, как в форме, приданной французским писателем? Откуда это известно? Здесь следует ставить ударение на слове «позднейшие». Отсюда делается вывод: вариант, который слышал Перро, старше на два века и потому ближе к народному источнику. Такой вывод можно сделать только в том случае, если фольклор, как и литература, имеет историю. А последнее подразумевается представлением о том, что фольклор – это устная литература. Это квинтэссенция той самой теории, о которой мы говорили выше. Из этой теории вытекает, что изучение фольклора не предполагает выход за пределы филологии, т.е. литературоведения, подчиняясь «принципам филологического анализа»⁴.

Пропп в свое время, отвечая на обвинения К.Леви-Стросса, пусть не прямо, но достаточно ясно высказал мнение по этому поводу: фольклор – не есть устная литература⁵. В этом он противопоставлял себя не только К.Леви-Строссу.

В статье 1934 г. А.И.Никифоров написал, что рассматривается им как достижение того времени – включение фольклора в единую линию развития с литературой с точки зрения методов исследования⁶. При этом он сослался на авторитет акад. Марра: «Фольклор это не особое народное творчество, а литература изустная, требующая тех же исследовательских приемов, что писаная литература»⁷. Это руководящее указание до настоящего времени стоит на пути исследований в области фольклора, теперь уже представляя особо тяжелую форму профессиональной деформации филологов-литературоведов.

Действительно, акад. Ольденбург в довольно категоричной форме высказывал похожее, вроде бы естественное для литературоведов. мнение:

⁴ См. Аникин В.П. Теория фольклора. М., 2004, с.5, 7. После этого можно сколько угодно говорить о «специфике фольклора», но это уже будет нарушением закона противоречия, который гласит: нельзя одновременно говорить А и не-А.

⁵ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976, с.137.

⁶ Никифоров А.И. Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления // Советский фольклор, № 2-3, 1935, с.235.

⁷ Марр Н.Я. Академик С.Ф.Ольденбург и проблема культурного наследия // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Сборник статей. Лгр., 1934, с.111.

«C'est en Russie que s'est posée cette question du conteur; elle y a été, ensuite, approfondie, et les savants russes ont été amenés à s'occuper du texte du conte, de sa composition, et de son interprétation comme oeuvre littéraire. Cette manière de recueillir et d'étudier les contes est déjà considérablement répandue; beaucoup d'hommes cultivés réclament maintenant des preuves à ceux qui continuent d'opposer radicalement conte «populaire» et conte littéraire, et plus généralement, textes «populaires» et textes «littéraires». **Cette opposition, disons-le, n'a pas de sens : la littérature dite «populaire» n'existe pas en dehors de «la littérature» tout court**»⁸.

Итак, это еще и русский вопрос. В заключение своей статьи (см. выше) акад. Ольденбург заявил: **«Данное противопоставление, скажем так, не имеет смысла: литература, именуемая «народной», не существует помимо просто «литературы».**

Тремя годами ранее, в 1926 г., гордиев узел, который литературоведы сами же затянули, пытался разрубить Ю.М. Соколов при учреждении фольклористики как самостоятельной науки⁹. С его точки зрения, несомненно, что границы фольклористики, т.е. ее предметной области, определяются связью с двумя смежными науками, этнографией и литературоведением «в самом широком смысле последнего термина». С одной стороны, она тесно связана с вопросом быта, особенно в области обряда, с другой – в ее «синкретическом материале» преобладает «элемент словесный». Он считал, что вопрос решается очень просто: одна часть фольклористики подчинена этнографии, а другая – литературоведению. При этом ему казалось странным, что такое «несомненное утверждение», как он выражается, «иногда подвергается сомнению».

В качестве примера им приводится позиция Г.Г.Шпета, заявлявшего, что фольклористика должна быть исключена из круга литературоведческих дисциплин. Главный аргумент Г.Г.Шпета – особая природа фольклора по отношению к литературе, а именно: в устном способе распространения. По словам Ю.М.Соколова, возражение Г.Г.Шпета «почти до очевидности опровергается общеизвестными данными и психологии творчества, и психологии восприятия, и истории литературы»¹⁰. Однако, возражая

⁸ Serge d'Oldenbourg. Le conte dit populaire: problèmes et méthodes // Revue des études slaves, tome 9, fascicule 3-4, 1929, p.236.

⁹ Соколов Ю. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. I. М., 1926б с.5-29.

¹⁰ Там же, с.7.

Г.Г.Шпету, он не учел двух вещей. Во-первых, если при определении предметной области фольклористики используются общеизвестные данные по психологии творчества, то фольклористика, как и литературоведение, должны рассматриваться в качестве субдисциплин психологии (если у бабушки борода, то это дедушка), а, во-вторых, если мы в этом споре обращаемся к истории литературы, т.е. к тому же литературоведению, мы неизбежно получаем круг в доказательстве.

Правда, Ю.М.Соколов возражал не только Г.Г.Шпету, но и Н.А.Бродскому, выступавшему с противоположным предложением – растворить курс фольклора в общем курсе истории литературы.

И все же, возражая тому и другому, Ю.М.Соколов не столько занял, как принято говорить, всесторонне взвешенную позицию, сколько нарушил один из основных законов формальной логики, именуемый законом противоречия. Это не так заметно только благодаря нарушению еще одного логического правила, согласно которому в пропозициональной логике (логике высказываний) можно отрицать высказывания только целиком. Так, можно говорить «крокодилы летают», можно говорить «крокодилы не летают», но нельзя говорить «крокодилы летают, но низко».

Нет нужды вникать во все хитросплетения рассуждений Ю.М.Соколова, по сути, представляющих собой ряд переходов от одной подмены понятия к другой, так как здание его теории покоится на двух тезисах, столь же простых, сколь и недоказанных, а, в конечном счете, недоказуемых¹¹.

Тезис первый. Фольклор есть часть словесного искусства (т.е. литературы в широком смысле слова), следовательно, фольклористика есть часть литературоведения. Однако, по законам логики второе никак не вытекает из первого, поскольку просто повторяет его. А что если повествовательный фольклор и фольклор вообще, включая малые жанры, является формой не словесного, а изобразительного искусства?

Тезис второй. Устное (словесное) творчество принадлежит литературоведению, а обряд – этнографии. Но как возможно разделить эти области при одновременном утверждении, что они в принципе неразделимы, что фольклористика не может не вторгаться в этнографию, а этнография не может обойтись без фольклористики?

¹¹ Соколов Ю.М. Русский фольклор (Устное народное творчество). Часть 1. М., 2018 (1938), с.10.

Вершиной рассуждений Ю.М.Соколова, несомненно, является следующий пассаж. «Сложное явление жизни, – писал он, – не может не быть предметом изучения с разных точек зрения. Но в каждом сложном явлении имеется основной, определяющий признак. И этим признаком в фольклоре служит то, что определяет его прежде всего как часть словесного искусства, а фольклористику – как часть литературоведения»¹². Это значит, что определяющим признаком фольклора является определение фольклористики, данное Ю.М.Соколовым!

В связи с этим можно вспомнить, что сначала выделяется некоторое множество или строится понятие и только после этого к нему подбирается подходящий термин, но не наоборот. Тогда правомерно говорить, что в предмет филологии входит поэтика фольклора, а в предмет этнографии – морфология фольклора. С этой точки зрения, обряд выступает как элемент поэтики фольклора в узком смысле, обладая при этом теми же морфологическими признаками, что и фольклор в узком смысле.

В построениях Ю.М.Соколова нет никакой логики, но по прошествии почти ста лет филологи-литературоведы упорно пытаются повторять его ход мысли, а этнографы в этом покорно следуют литературоведам.

Безусловно, абстракция Г.Г.Шпета, о которой говорилось выше, имеет скорее интуитивный характер, но это не значит, что эта абстракция не является разумной.

Устная форма исполнения есть определяющее свойство фольклора. Это свойство предполагает необходимость использования таких морфологических инструментов, в которых литература не нуждается. В фольклоре слово не воробей, вылетит – не поймашь. Напротив, в процессе написания литературного произведения можно вернуться назад, что-то вычеркнув или вставив. При устном исполнении такое возвращение к сказанному невозможно, если, конечно, это не лекция. Но лекция *читается*, следовательно, является частью письменной культуры.

Здесь мы возвращаемся к исторической морфологии сказки, поскольку в конечном итоге теоретический вопрос о границах между этнографией и литературоведением в том, что касается фольклора, в практике конкретных исследований находит свое выражение в вопросе о том, что первично: сказки Шарля Перро,

¹² Соколов Ю.М. Русский фольклор (Устное народное творчество). Часть 1. М., 2018 (1938), с.10.

напечатанные в конце XVII века, или сказки, записанные этнографами двумя столетиями позже, в конце XIX века?

Без разбора ложного учения о существовании фольклористики, находящейся якобы на стыке двух наук, этнографии и литературоведения, было бы совершенно невозможно понять, из чего складывается убежденность филологов-литературоведов в том, что «Сказки матушки гусыни» Шарля Перро стали настольной книгой для крестьян во всех областях Франции. Тем более, что традиция насчитывает сотни переплетающихся между собой сюжетов.

Вычленив сюжеты, соответствующие «Сказкам матушки Гусыни» для носителя традиционной культуры задача не только неразрешимая, но просто не имеющая никакого практического (бытового) значения. Да и как он мог получить доступ к изданиям сказок Перро? Во-первых, для этого надо уметь читать, а, во-вторых, эти издания предназначались для горожан, которые вряд ли ходили в народ, пересказывая эти сказки.

Кроме того, диалекты различных областей Франции отличаются от французского настолько же, насколько русский от украинского. В сборниках сказок («народной литературы») XIX в. оригинальные тексты сопровождаются переводами на французский язык. Характерно, что в сказке «Синяя шапочка» (сюжет «Мальчик-с-пальчик») «заколдованная» корова заявляет кюре: «Я не понимаю французского»¹³. (Реплика в сторону. Не является ли эта корова родственницей лошади из анекдота, что закончила Сорбонну?)

Ключ ко всему – морфология сказок, причем каждая сказка имеет свою историю именно с точки зрения морфологии. Фольклористика своим существованием препятствует не только исследованиям в области морфологии, но и в области поэтики, не позволяя разделить эти понятия, различие между которыми примерно такое же, как между логикой высказываний и логикой предикатов.

17 марта 2020 г.

¹³ Le petit Chaperon bleu. См.: Emmanuel Cosquin. Contes populaires de Lorraine (Сказки Лотарингии). Paris, 1887, p.148-149.